

Ашира
Хаан

16+

30 дней
до РАЗВОДА

Ашира Хаан

Тридцать дней до развода

«Автор»

2021

Хаан А.

Тридцать дней до развода / А. Хаан — «Автор», 2021

Вы верите в любовь с первого взгляда? Я нет. А еще я не верю женатым мужчинам и... Себе. Потому что, наперекор всем принципам и доводам разума, мое глупое сердечко твердо вознамерилось доказать, что я не права. Любовь существует. С первого взгляда. Вопреки всему.

© Хаан А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	6
Девочки такие девочки	8
Город, который никогда не спит	11
Он	14
Другой мир	17
Женатик	20
Большие планы	23
Клятвы	25
Конец вечеринки	28
30 дней до развода	32
Узнать друг друга	35
Женский совет	39
Всюду чуют тебя...	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ашира Хаан

Тридцать дней до развода

Пролог

Я никогда не верила в любовь с первого взгляда.

Влюбиться только по внешности? Не зная о человеке ни-че-го: как он пахнет, как целуется, любит он собак или кошек, кофе или чай, Бродского или Пастернака, закрывает ли зубную пасту и опускает ли сиденье унитаза, держит за руку во время прогулки или убегает вперед?

Как он дышит ночью, как обнимает, стонет, какими словами называет в моменты нежности. Будет ли он уважать меня? Не прячет ли в шкафу скелеты, с которыми я не уживусь?

Иногда даже знаешь все это о человеке, влюбляешься, а он все равно оказывается – не тем!

А если уже он влюбится только в стройные ноги под узкой юбкой или локоны, которые так удачно сегодня легли, – что о нем это скажет? Если я больше никогда не смогу повторить сегодняшнюю удачную прическу, он что – меня разлюбит? А когда я заболею? Состарюсь?

А вдруг я слушаю группу «Корни», а он – Nightwish?

А вдруг люблю дождь и холодный туман, а он мечтает переехать на экватор?

Он что – разлюбит меня через пару дней, когда выяснится, что футболку с Риком и Морти я одолжила у подруги, когда пролила кофе на свою кружевную блузку?

Тогда это не любовь.

Любовью с первого взгляда называют простую симпатию, которая со временем переросла-таки в любовь. Но ведь могла и не перерасти...

Не бывает так, чтобы с первого взгляда – и на всю жизнь, невзирая ни на что.

Так я думала до одного странного весеннего дня, когда мне исполнился тридцать один год.

* * *

Мой тридцать первый день рождения начался с режущего глаза света и визгливого голоса прямо на ухо:

– Подъем, животное!

– Бу-бу-бу, – сказала я веско, поплотнее заворачиваясь в кокон из одеяльца и накрывая голову подушкой.

Но подушку тут же отняли.

Пришлось взглянуть в глаза реальности.

И сказать ей гордое:

– Отвяжись!

– Четыре часа дня! Сколько можно спать! – возмутилась Светка, воплощавшая в себе все то, что я сейчас ненавидела: пробуждение, свет, звук и реальный мир.

– Сколько хочу. У меня день рождения.

– Вот именно! День рождения и весна. Пора пробуждаться, обновляться, расцветать вместе с природой!

– Нет.

И я накрылась одеялом с головой.

Не тут-то было.

Подруга безжалостно стащила его с меня, оставив в футболке и пижамных шортиках с нарисованными пандами, отдернула шторы, впуская в комнату бледное солнце ранней весны, и врубила на телефоне что-то такое омерзительно бодрое, что по утрам могут слушать только «жаворонки».

Даже если это утро настало в четыре часа дня.

– Пора, пора, две недели уже изображаешь из себя гусеничку и все никак не станешь бабочкой. Нытье еще никому красоты не добавляло. Пора гулять, искать работу, ходить на

вечеринки, радоваться жизни! Квартиру снимать, в конце концов, не вечно же ты у меня будешь зависать.

– Ты говорила, что я могу жить здесь, сколько понадобится, ты только рада будешь старой подруге! – напомнила я.

Подругами мы, правда, были в школе, с тех пор много воды утекло, но ближе Светика у меня никого в родном городе не было.

– Подруге! – Она назидательно подняла вверх палец. – А не диванному выползнию.

– У меня депрессия... – захныкала я.

– У всех депрессия.

– У меня сердце разбито...

– У всех сердце, – бессердечно фыркнула Светка.

– Я безработная!

– Ты сама уволилась, – напомнила она.

– И жить мне негде...

– Будет негде, если не встанешь и не начнешь собираться!

Она ухватила меня за руки и, пыхтя, принялась стаскивать на пол. Но я свернулась калачиком на жестком холодном паркете и вяло уточнила:

– Куда собираться?

– На вечеринку.

– Какую вечеринку? – Все еще было совершенно неинтересно, но немного любопытно.[С1]

– Какую надо вечеринку! – Светка сдула прилипшую прядь со лба и начала примеряться, за что бы меня ухватить, чтобы поставить на ноги. – У моих друзей.

– Это же твои друзья! Я тут при чем?

– Будут твои!

И подруга применила самую безотказную тактику, пытку, которая должна была быть запрещена Женевской конвенцией, но почему-то ускользнула между строк.

Она нагнулась и начала щекотать меня!

– Уииииии!

Я взвилась почти к потолку, вскочила на ноги и попыталась сбежать, но Светка нагоняла меня и щекотала, пока не прогнала через весь коридор в ванную и не приперла дверь стулом.

– Душ, вымыть голову и почистить зубы! – скомандовала она. – А у меня пока есть одно дело...

Девочки такие девочки

Когда я вернулась, мои чемоданы, приехавшие со мной из Москвы, стояли распахнутыми, а Светка, нимало не смущаясь, в них хозяйничала.

Аккуратно уложенные в вакуумные пакеты шмотки были растащены, развешаны по дверцам шкафов и ручкам окон. Светка кружилась между ними, обводя мой гардероб сияющими глазами.

– С ума сойти, – ахнула она, подцепив ногтем бирку на одном из платьев. – «Диор»? Настоящий «Диор»?!

Я равнодушно пожала плечами:

– Ну да.

– Дашка-а-а-а... Ой, еще и «Дольче Габана»! – Светка ахнула, приложив к себе полупрозрачную алую блузку. – Откуда у тебя такая роскошь, а? Это же бешено дорого!

– Секонды, свопы, распродажи, – отмахнулась я.

Признаться, после душа стало пободрее. Сколько же я голову не мыла?

Неужели я реально две недели тут валяюсь, тупо глядя сериалы и подбедая запасы клубничного мороженого из недр морозилки?

Как сошла с поезда, так и упала на диван.

Хотя нет, сначала к маме с бабушкой заскочила.

Но там на меня обрушили такой поток сопливой жалости вперемешку с вечным «я же говорила», что я моментально перестала стесняться, позвонила бывшей однокласснице и подружке по диким подростковым загулам и получила приглашение пожить у нее в свободной комнате, сколько захочу и совершенно бесплатно.

– Свопы... – мечтательно вздохнула Светка, а я поморщилась.

За три года работы в издательском доме, который раньше выпускал все самые модные журналы, а теперь сотнями штамповал инстаграмных няш с подборками одежды на любой возраст, вкус и кошелек, я совершенно разучилась восхищаться бирками всемирно известных брендов.

Блогерши не будут носить один аутфит два раза, ведущие берут напрокат все эти платья, пачкают их помадой и сдают обратно, костюмерши перерывают распродажи – секретные и винтажные – и в итоге «дорогое и эксклюзивное» шмотье чуть ли не валяется под ногами в редакционных примерочных с длинными рейлингами и узкими зеркалами.

Реально новое платье из последней коллекции «Шанель» можно купить по цене «Зары», если постараться. Но парадокс модной жизни Москвы состоит в том, что не на каждую вечеринку придешь в такой вещи.

В моде не только – мода.

В моде еще индивидуальность и креативность.

Иногда приходится выкручиваться и шариться по секондам, чтобы найти что-нибудь из коллекции десятилетней давности, скомпоновать с джинсами из «Бершки» и мамиными кроссовками с антресолей – и получить остромодный лук.

– Если ты меня будила только чтобы выпросить платье на вечеринку, то забирай хоть все, а меня оставь в покое, – буркнула я, падая обратно на диван.

Но Светка так взвизгнула, как будто я придавила собой выводок мышат.

– Нет! Ну что ты! Мы идем вместе, Даш!

– Нет, я не иду.

– Идешь! – Ее глаза сузились, и я вспомнила, что Светка была в нашем классе главной интриганкой. – Или я позвоню твоей бабушке и скажу, что ты прячешься у меня!

– Шантажистка... – проворчала я, сдаваясь.

Вечеринка так вечеринка, платье так платье. Оденусь во все коричневое и испорчу вам праздник своим критически модным видом.

– Кстати, туфли у тебя есть?.. – Светка мгновенно преобразилась и подхватила следующую вешалку с густо-лиловой туникой, которую я пока так и не решилась никуда выгулять.

– В сером чемодане посмотри.

Если бы из Москвы в мой город не ходили дешевые поезда, мне бы пришлось потратить всю свою последнюю зарплату на дополнительный багаж в самолет.

Я упаковала половину своих вещей в чемоданы, вторую – в картонные коробки, которые оставила у друга в гараже, загрузилась в такси в Москве – всего одна ночь, наполненная запахом курицы-гриль и храпом соседей, – и выгрузилась из другого такси уже дома.

– А косметика?

– Только не говори, что у тебя нет косметики.

– Есть, но у тебя наверняка лучше... – сладким голосом лисички, что напрашивалась в лубяной домик к зайчику, проворковала Светка.

– Ну ты наглая... – я дернула молнию сумки, выгружая всю свою коллекцию лимитных палеток и рекламных образцов. На эту ерунду я тратила денег больше, чем на шмотье.

Но как было устоять?

По образованию я вообще-то художник! Закончила колледж дизайна и малой архитектуры!

Декоративное украшение лица – это тоже искусство!

Я научилась накладывать макияж в двадцать один несложный этап, используя тринадцать оттенков золотистого, чтобы получить загадочный отблеск в своих скучных карих глазах.

– Короче, давай, протирай морду, мажь кремом и садись под лампу, сейчас я тебе все нарисую, – вздохнула я. – Платье выбрала?

– Вот это золотистое... нет, красное. Нет, мне пойдет коричневый. Даш?

– Бери это. – Я сдернула вешалку с рожка люстры.

– Ну-у-у-у... – Светка скривила губы. – А... Ал... «Алайя»? Что это за бренд? Я такое даже не слышала! И простенькое какое-то...

– Пятьсот евро на тайной распродаже в ЦУМе, – веско сказала я.

– Бери! – моментально отозвалась Светка.

– Этот оттенок розового пойдет к твоим волосам, – чуть покривила душой я, глядя на Светкину блондинистую башку, крашеную явно самостоятельно. – Там туфли серые к нему поищи.

Светка сорвалась с места, разыскивая туфли, умываясь, наворачивая светлые пряди на мягкие бигуди.

– Это ты так моему дню рождения стараешься соответствовать? – подозрительно спросила я.

Сама я не стала выпендриваться, обрядилась в черное, но в последнюю минуту сердечко дрогнуло, и вместо скромного нюда я намалевала «смоки айз». Густо и от души, прям «Кунг-фу панда и ее первый бал».

– Ага!

И в этом коротком слове прозвучало столько фальши, что я вздохнула, закатила глаза и строго спросила:

– Света?

– А? – Она нюхала один за другим свои флакончики с дешевыми духами, и я не выдержала, закатила глаза еще раз и выдала ей «Манифесто». Чтобы не портила произведение искусства, которое я из не сотворила.

– Давай. Говори.

— Что? Собираемся? У меня как раз пальто...

– Я тебе дам палантин и поедem на такси. А если признаешься – то еще и сумочку.

– «Луи Вюиттон»? – распахнула она глаза.

Я поперхнулась.

Может, еще «Биркин» подогнать?

– Смотрю, ты вошла во вкус, подружка... Нет, всего лишь «Фенди». Но сначала ты скажешь, в честь чего весь этот цирк?

– Там будет... один человек.

– Ну понятно. А откуда такая секретность?

– Ты будешь ругаться...

Я вздохнула.

Никогда еще в истории после этих слов никто не узнавал ничего хорошего.

– Так? Ну!

– Он женат...

И Светик потупилась так искренне, что я... промолчала.

Хотя мне было много что сказать именно на эту тему!

Город, который никогда не спит

С Валентином я познакомилась в первую же неделю жизни в Москве.

Компания, которая готова была пригласить меня на работу, увы, передумала ровно в то утро, когда я сошла с поезда. У меня был запас денег на пару месяцев, но теперь уже и думать было нечего, чтобы снять нормальную квартиру. Пока не найду новую работу, жить придется в хостеле в комнате на десять человек.

Не возвращаться же домой ровно на следующий день после отъезда?

Целую неделю я бегала по собеседованиям, но получала отказ за отказом. Не сдавалась, конечно, хотя становилось все тревожнее. Что, если в Москве и без меня полно дизайнеров уличной рекламы с образованием в виде бывшего художественного ПТУ?

Решив отпраздновать свое поражение, я собралась прогуляться вечером по центру города, посмотреть на украшенные к какому-то очередному фестивалю улицы – и удивилась, встретив на пешеходных улицах столько молодых и веселых людей моего возраста.

Здесь слово, там два, и так меня втянули в какой-то бар – в стилистике НЭПа, с шокирующе низкими для столицы ценами. Там танцевали, знакомились, играли в какие-то смешные игры, угощали друг друга пивом и болтали обо всем подряд.

Столица веселилась: пятница! Свобода! Весна! Любовь!

Веселье засосало меня, втянуло в круговорот знакомств, баров, площадей, улыбок и чьих-то рук. Разноцветный туман поплыл перед глазами, и в полночь я обнаружила себя говорящей: «К тебе!» – красавчику с бритой головой и тоннелями в ушах. Звали его Валентином.

Правда, поехали мы не к нему, а в сетевой отель, как я потом узнала, предназначенный специально для таких развлечений. Где-то в перерывах между ними, когда мы пили холодную минералку из горлышка и трепались обо всем подряд, он спросил, где я работаю, а я рассказала свою печальную сагу.

Ну он и предложил устроиться в издательский дом, где сам трудился фотографом.

«Ты девушка яркая, а нам всегда приятно видеть на ресепшене красивых модно одетых сотрудниц».

Я вообще-то искала работу дизайнером...

Но еще через неделю неудач сдалась и позвонила по номеру, который он сам забил мне в телефон. Правда, Валентин подумал, что я хочу повторить ночь в отеле, а я хотела выселиться из адского хостела, где бесконечные вечеринки продолжались круглосуточно.

В двадцать лет это зашибись, но мне было вообще-то двадцать восемь.

Впрочем, ночь мы повторили. И не раз.

Это был такой красивый роман!

Мечта всех девчонок из провинции, которые приезжают покорять Москву!

Просто «Красотка» по-московски – если исключить профессию героини, конечно...

Все то, о чем я только читала в сети или видела по телику в передачах про хипстеров и деток олигархов, разворачивалось передо мной вживую!

Ужины в ресторанах Новикова, где кусочку мяса на тарелке устраивают спа-день, а топи-намбур, который у нас в частном секторе скармливают свиньям, украшают черной икрой и съедобным золотом.

Вечеринки в лофтах с видом на вечно стоящее в пробках Садовое кольцо, завтраки с доставкой теплых круассанов на дом.

Сонные курьеры, доставляющие букеты из ста роз к моему пробуждению, – приходилось вставать в шесть утра, чтобы успеть на новую работу. Это только творческие личности могли являться в офис после обеда, я все же была техническим персоналом.

Самые модные едальни на рынках, гастро-бары, молекулярная кухня, бургеры в черных перчатках, заново открывающиеся легендарные ночные клубы из девяностых.

Катание на белоснежных яхтах по ночной Москва-реке и секретные вечеринки в офисах Делового Центра.

Валентин был всегда прекрасен, пах селективной парфюмерией унисекс, носил лоферы на босу ногу и пил смузи из трав на ночь – оставаясь неизменно у меня. Он никогда не звал меня к себе.

А я, воспитанная приличной девушкой, которая всегда молча ждет первого шага от мужчины, не спрашивала почему.

Ну вот... на новогоднем корпоративе узнала.

На масштабный праздник всех приглашали со «вторыми половинами», и я подумала, что Валентин не отдал мне второй билет, потому что я и так попаду на вечеринку.

Потом долго рыдала в мужском туалете на одном из пустых этажей – боясь, что в женский может зайти красавица-жена моего любовника.

Девочки-напарницы меня утешали, притаскивали сок, мартини и бутерброды с колбасой, по очереди дежурили у дверей, чтобы заблудившиеся гости не вошли случайно, и каждая, каждая спросила участливо: так ты не знала?

Я! Не! Знала!

Видела скан его паспорта: у нас на ресепшене полный доступ к карточкам сотрудников. Не было там штампа. И кольца на пальце не было. Даже следа от него. Я и расслабилась.

Эх, Москва, Москва...

«А мы думали, ты просто продвинутая такая, крутая. Зачем говорить, если все знают?»

Я оказалась не продвинутой и не крутой.

«Ну, она жена, но как бы не жена. Мы просто вместе живем».

Закатила ему скандал, разбила какую-то модную награду, которую Валентину вручили на европейской фото-биеннале. Он рассвирепел, скрутил меня и легко и непринужденно перевел ярость в страсть. Мы сломали пару хлипких дизайнерских стульев и разбили еще и вторую награду.

А потом он пообещал, что бросит ее немедленно!

Сразу, как вернется из сервиса его машина: надо же помочь ей переехать.

Сразу, как она найдет работу: не выгонять же человека на улицу без денег.

Сразу после дня рождения: жестоко будет портить праздник.

Сразу, как она вылечит депрессию, а то ведь и до суицида может дойти.

Сразу, как она оправится после смерти мамы.

Сразу же.

Сразу.

Когда он сказал: «Через месяц я женюсь!» – я подумала, что это такое изощренное предложение. Вполне в духе странных шуток Валентина: он любил абсурдные приколы и черный юмор.

Ждала, когда ему надоест это развлечение: он доиграет до конца, достанет кольцо, встанет на одно колено – и мое трехлетнее ожидание кончится.

Я подыгрывала как могла. Расспрашивала о «невесте», ожидая услышать, что у нее светлые волосы, карие глаза, она любит ирисы и белую рыбу – как я.

Частично ответы совпадали, частично нет. Но вы же знаете мужчин, они думают, что все на свете женщины любят розы и сладкое!

Реальность безжалостно трещала по швам и окончательно лопнула, когда он сказал: «Сейчас фотку покажу, на последнем проекте я ее больше, чем модель, снимал».

И показал. Нежная блондинка с кукольным личиком и темными глазами.

Не я.

Не я – его любовница последние три года. Не я – та, у кого он ночевал не меньше трех дней в неделю. Не я – поздравившая его в день отъезда гражданской жены феерическим и немного извращенным сексом. В награду.

Валентин сделал то, о чем мечтают все женщины на моем месте, – бросил жену.

И женился на любовнице.

Но не на мне.

В день его свадьбы я приехала к ЗАГСу и стояла в отдалении, как в кино, – в шелковом платке на голове и в темных очках. Тактичный таксист ждал, сколько надо, и даже не взял с меня денег за эти полчаса, что я наблюдала за тем, как мой любимый целует блондинку в свадебном платье. Не меня.

А я вернулась в свою съемную квартиру, аккуратно упаковала вещи, отдала флегматичную морскую свинку, что жила у меня уже полгода, соседке, отвезла коробки доброму другу, купила билет в родной город...

Уже в поезде открыла его инстаграм, и только тогда, увидев там фото двух рук – мужской и женской – с сияющими золотыми кольцами на них, наконец разрыдалась.

Он

Такси привезло нас со Светкой к новому кварталу высоток, который успели построить за те три года, что меня не было, на месте старых бараков и пустыря. Вырубили при этом яблоневую рощу, в которой по весне фотографировались все влюбленные города, – ну так что ж...

Зато на огороженной территории, куда не пустили даже наше такси, посадили три сакуры и два японских клена. Можно будет весной и осенью любоваться ими из-за забора.

От ворот пришлось идти пешком, но здесь дороги, в отличие от всего остального города, все-таки чистили.

– Откуда у тебя такие роскошные друзья, – ворчала я, разглядывая интерьер лифтового холла, облагороженный двумя пальмами в кадках.

Дом, конечно, был элитным, но с пожарной лестницы тянуло сигаретным дымом, а в пасти мусоропровода торчал не до конца засунутый туда молочный пакет.

– Мы с Аллой на йогу вместе ходили, потом как-то подружились, нашли общие знакомые... – рассеянно ответила Светка, любуясь собой в зеркальной стене лифта.

– Это у нее ты собираешься мужа отбивать?

– В любви и на войне, Дашенька... Я пленных не беру!

Двери лифта разъехались, и она зацокала каблуками моих любимых туфель по звонкой плитке коридора. Гордо несла голову на длинной, как с картины, шее, выпрямила спину, расправила плечи. Сразу видно: девушка знает, в чем ее цель.

А мне вдруг стало как-то до ужаса тошно...

Вечеринка эта, какие-то чужие люди, несвободные мужики, змеиная возня и сплетни – все будут на меня смотреть и расспрашивать: «А ты Киркорова видела?»

Сочувствовать – Светка наверняка разболтала уже все.

Платья эти... чересчур. Даже для новой элитной квартиры – чересчур.

Хотя повезло, что не старая хрущевка с коврами на стенах и раздвижным столом. Как у мамы и бабушки, как у Светки дома, как в миллионах других квартир по всей стране. Тапочки для гостей, салатки в хрустальных мисках, вездесущий «женский» мартини с соком, гитара еще, не дай бог.

Забылась я, нырнула в модную столичную жизнь, как в полуночный сон. А реальность – она другая, она вот тут, где музыка гулками ритмами сотрясает стены и все наверняка уже пьяные и веселые.

Зря я вылезала из-под одеяла.

Лифт, однако, был не на моей стороне – и с лязгом захлопнул двери, как раз когда я повернулась, чтобы малодушно сбежать. И умотал куда-то на другой этаж, как я ни жала кнопку до боли в пальцах.

Светка вот-вот должна была понять, что я куда-то пропала, и спохватиться. У меня оставался только один выход – пожарная лестница.

Она пряталась за обитой помятым алюминием дверью, которая, судя по следам на полу, скрежетала во всю дурь, когда ее открывали. Поэтому я втянула живот и просочилась на волю сквозь узкую щель.

Остановилась на площадке буквально на секундочку, чтобы вдохнуть полные легкие сухого воздуха с примесью сигаретного дыма, – и ринулась вниз по ступенькам.

Нервно оглянулась на дверь, словно за мной уже могли выслать погоню с собаками, – и вдруг со всего размаху врезалась во что-то теплое!

Упругое.

Твердое.

Оно сказала:

– ...!

А я сказала:

– Ой!

И, вцепившись пальцами в это упругое, твердое и теплое, широко распахнула глаза, чтобы увидеть, что же оно такое.

«Это» оказалось мужчиной. Симпатичным мужчиной. Чуть выше меня даже на каблуках, в белой рубашке с закатанными рукавами и узком галстуке, распушенном так неаккуратно, будто тот его душил и он бешено рвал его с шеи. С темными, чуть выющимися, как от влаги, волосами и светлыми глазами непонятного в полутьме лестничной клетки оттенка.

Обычный.

Ничего особенного.

Но почему-то в сердце защемило, когда я подумала: «ничего особенного». Словно это было чем-то обидным, почти святотатственным. Как вдруг он – и не особенный?

Мужчина осторожно отодвинул меня: я почти впечаталась ему в грудь —но отпускать не спешил. Да и я не спешила отпускать его руки, в которые вцепилась, чтобы не упасть.

Я разглядывала его во все глаза – будто видела впервые.

Но ведь и правда впервые? Хотя в этот момент почему-то казалось, что узнаю его, будто старого знакомого. Щемящее ощущение: «Ах вот что это было за чувство все это время: я по тебе скучала!»

Как можно скучать по кому-то, кого никогда раньше не встречала?

Его глаза тоже шарили по моему лицу пытливо и изумленно, то спускаясь на шею и грудь и цепляя взглядом край рискованного декольте, то прослеживая тонкие линии ключиц – и снова ловя в фокус мои расширившиеся зрачки.

Почему с каждой секундой я все сильнее чувствовала, что знаю его всю жизнь? И в руках его ощущаю себя как дома, в знакомом до последнего касания объятии?

А он? А он чувствовал?

Разве такое может быть односторонним?

Теперь он смотрел на мои губы. Не отрываясь.

Сглотнул – резко дернулся кадык.

Я все еще цеплялась пальцами за его руки, пытаюсь устоять на подгибающихся ногах. Ощущала, как пульсируют в такт биению сердца натянутые, как корабельные канаты, жилы на внутренней стороне его предплечий. Такие упругие и горячие, что сложно удержаться и не провести по ним кончиками пальцев.

Он вздрогнул и перевел взгляд с моих губ на руку. Мне стало неловко, и я попыталась отодвинуться, но он машинально удержал меня, не дал даже двинуться с места. И тут же, будто спохватившись, расслабил объятия, говоря мне всем телом: беги, куда ты там хотела.

Уже никуда не хотела.

Стояла, глядя на него снизу вверх, и с каждой секундой все глубже увязала в безумии происходящего.

Это было ненормально.

Нездорово.

Неадекватно.

Но до странности правильно.

– У меня сегодня день рождения... – зачем-то прошептала я онемевшими губами

– Правда? – удивился он, вновь одержимо разглядывая их.

– Ага. И я хочу от тебя подарок.

– Какой?

– Этот...

Я поднялась на цыпочки и коснулась губами его губ.

Голова закружилась так внезапно, что я пошатнулась, не удержавшись на высоких каблуках, но он перехватил меня за талию, прижал к себе – и тем невольно сам углубил поцелуй.

Но я успела испугаться.

Кто так делает?

Кто целуется с незнакомыми мужчинами на лестнице в первую же минуту знакомства?

Это лишь мне кажется, что я знаю его всю жизнь, и я готова разрыдаться: так знакомо мне это нежное, но напористое касание его губ.

А он ведь сейчас решит, что я пьяная, или больная, или еще чего похуже!

...ну и пусть.

Потому что, оторвавшись от него всего на один крошечный горячий вдох, я ощутила безумную потерю. Мне хотелось обратно.

Впечататься ртом в его рот, телом в его тело, отдать ему себя: пусть делает, что хочет!

Лишь бы только забрал.

Он забрал – углубил поцелуй, взвинтив температуру между нами до закипающей крови, обнял властно, по-хозяйски. Это оказалось так сладко – стать мягкой глиной в его руках, растечься до полной потери себя и принять ту форму, которую он пожелает...

Которая идеально подойдет ему.

Твердому. Упругому. Теплому.

Вынырнув из нашего ошеломляющего поцелуя, он предусмотрительно прижал меня к себе, чтобы я опять не упала, и медленно провел большим пальцем по моей нижней губе, сминая ее с полным на то правом.

– Теперь и я кое-что хочу... – сказал он негромко, но каждое его слово отзывалось вибрацией у меня в груди. – У меня сегодня тоже день рождения. И ты тоже должна мне подарок.

Другой мир

Она так бежала, словно спасалась от кого-то. И первым порывом было – защитить прекрасную незнакомку. Сразиться с ее врагами, как положено мужчине.

Или она спешила куда-то? К умирающей матери или голодному ребенку? Тогда я должен был предложить ее подвезти как настоящий джентльмен.

А может, она просто решила провести внеплановую тренировку и побегать вверх-вниз по лестнице – на каблуках, чтобы с нагрузкой? Тогда надо было присоединиться, чтобы развлечь даму беседой.

Какой только чушью ни занимается мозг, когда стоишь, растягивая сигарету короткими затяжками, потому что не хочется возвращаться в шумную квартиру, а тут на тебя выскакивает красотка с безумными глазами.

Девочка упакованная, слишком уж гладкая и ухоженная для наших мест. Того типа, что всегда знают себе цену и зачастую уже не раз ее называли.

Не вписывается она в мои романтические сценарии.

Ни в какие сценарии не вписывается – понимаю я уже в следующую секунду, и все мои расслабленные фантазии разом вымывает из головы высокая волна цунами.

Девочка скатывается по лестнице, почти падая мне в руки, так что я едва успеваю отбросить сигарету в сторону, чтобы поймать ее.

Касание кожи к коже – как удар током. Как в детстве в деревне, когда я в грозу полез на фонарный столб за нашим котом Пиратом и через пробитую изоляцию меня так шарахнуло электричеством, что я слетел на землю: в одну секунду перед глазами вспышка, в другую – я лежу на спине на вытоптанной земле, мир где-то далеко, в ушах тяжелый ватный звон, перед глазами плавают темные точки.

Как сейчас. Все вокруг расплывается и отодвигается на невообразимое расстояние. Только она одна близкая и четкая. Резкость выкручена на максимум: золотистые прожилки в темных глазах, почти прозрачный персиковый пушок на щеках, четко очерченные губы – верхняя в серединке чуть припухшая, завиток локона на виске, проступающие из-под белой кожи голубоватые вены у ключиц – все это так завораживающе, что невозможно оторвать глаза, хочется рассматривать в самых мельчайших подробностях.

Башка ничего не соображает, реальность дрожит и слоится, растекаясь радужными бензиновыми пузырями. И девушке самой приходится меня поцеловать.

Тут помогает природа, наконец включая инстинкты.

За короткие секунды поцелуя я успеваю понять несколько вещей:

1. Она моя навсегда.
2. Никуда ее не отпущу.
3. Кажется, я влюбился.
4. Совершенно точно я идиот.

– И ты тоже должна мне подарок... – Язык сам, без участия мозга, мелет какую-то чушь, наспех выуживая сценарии из памяти и конструируя на ходу подобие беседы.

Она хитро улыбается и отступает, не отнимая, впрочем, у меня своей руки. Но я снова делаю к ней шаг, потому что меня тянет как магнитом, сопротивление бесполезно.

Тонкие пальцы трут запястье, щелчок – и уже мою руку обнимает что-то теплое и шершавое. Опускаю глаза – браслет. Из темных дырчатых каменных бусин с подвеской в виде головы волка. Очень брутальная и мужская вещь, даже странно, что она сняла его с себя.

– Вот твой подарок, – шепчет она и тянется ко мне губами. Это что же – у меня будет два подарка?

И гулко ударяет кровь в виски, и сердце рвется кратчайшим путем, проламывая ребра, – к ее сердцу, и вокруг нас сфера тепла, за пределами которой остался весь остальной мир. Другой мир, о котором я сейчас не помню вообще ничего, даже то, что в нем людям нужен воздух для жизни. Вместо воздуха у меня – ее теплые губы. Вместо воды. Вместо всей остальной реальности.

Но через ватную тишину, укрывающую нас, еле-еле доносится:

– Богдан! Ты куда пропал?..

Словно удар резиновым молотом в грудь, этот голос выбивает из меня весь воздух. Отрывает половину меня, отшвыривает в сторону.

– Это тебя?.. – спрашивает она.

– Дашка! Даш, ты где?

– А это за мной... – улыбается, словно через силу.

– Даша... – хриплю я, выталкивая из себя единственное слово, которое выучил за всю жизнь.

Которая началась минуту назад.

– Приятно было познакомиться, Богдан! – И она взлетает по ступенькам к двери, где уже маячат какие-то лица, шевелятся тела, скрежещут звуки.

Я стоял, медленно возвращаясь в реальный мир, заново осваиваясь в нем. Чувствуя себя оборотнем, который только что перекинулся из зверя в человека, и теперь надо подождать, пока все кости займут свои положенные места, перетерпеть боль от трансформации, прежде чем идти к людям.

Рассеянно оглянулся по сторонам, узнавая и одновременно не узнавая выученную до последнего скола плитки лестничную площадку.

Потряс головой, разгоняя черных мошек.

Наклонился и подобрал окуроч, заснул его в банку из-под маринованных мини-луковок, приспособленную под пепельницу.

В старом доме мы обычно прикручивали проволокой к перилам банки из-под растворимого кофе, а здесь народ богатый, не щиплет лаптем хлеба, глянь-ка! Даже лестничные пепельницы у нас все на понтах!

Алла спустилась на несколько ступенек:

– Богдаш? Случилось чего?

Случилось.

Я провел рукой по лицу, стирая остатки радужной дымки. Мир все еще был странным и чужим. Неправильным.

Разве это я? Что я только что сделал?

– Нет...

– Ты идешь?

– Иду.

– Что там Майоров сказал?

Да, я же ушел из-за стола, чтобы поговорить с Майоровым насчет поставок.

– Говорит, задержали их фуры на выезде, якобы какие-то документы неправильно оформлены, с Нового года, что ли, форма изменилась. Я переслал все образцы, будет разбираться, – ответил машинально, не вникая. Все это само откуда-то распаковывалось из глубин сознания, словно минуя меня самого.

Я поднялся по лестнице, потянул заскрежетавшую дверь, жестом пригласил Аллу идти вперед и автоматическим, привычным движением шлепнул ее по заднице.

Тело двигалось, словно запрограммированный персонаж в игре, пока обезумевший мозг метался, стучась о стенки черепа, как шарик в пинболе.

Что произошло? Что только что случилось?

– Все собрались уже, Светик подружку привела, Дашей зовут. Давай ее Марату подсу-нем? Модная московская штучка, он таких любит. Вроде симпатичная. Говорят, ее в Москве женатик какой-то бросил, а потом с работы поперли.

Женатик, значит. Бросил.

Я на миг прикрыл глаза прежде чем войти в квартиру, где было шумно, пахло мясом и пирогами, звенели голоса и бокалы и в прихожей на вешалку были грудой навалены куртки и пальто. Все как обычно. Сколько бы ни стоило наше вино и наши квартиры, что-то главное в нас не менялось.

До сегодняшнего дня.

Женатик

Я наблюдаю с легким недоумением за этими людьми: близкими, которых я знал лет десять, а некоторых и все двадцать. Почему они ведут себя так, будто ничего не случилось?

Денис создает основной шум: рассказывает какие-то баечки, хохочет так, что трясется обширный живот, подкладывает всем дамам в окрестностях еще салатиков и следит, чтобы между первой и второй, второй и третьей, третьей и так далее водка не успевала «остывать».

Марина тщательно расспрашивает хозяйку о составе каждого блюда и выбирает без глютена, лактозы, сахара, с минимумом жиров и углеводов... потому и сидит с охапкой зелени на тарелку, которую Алла раздраженно сгребла ей, разрушив украшения всех блюд. Она понятия не имеет, что там в составе, заказывала в кулинарии.

Егор уже молниеносно подчистил еду со своей тарелки и ерзает, поглядывая на телик: там трансляция теннисного матча, который ему интересен больше нас всех.

Его жена, Наденька, украдкой заворачивает в салфетку самые лакомые кусочки для их померанского шпица, нового и любимого члена семьи.

Марат, как обычно, отрывается от мессенджеров, только когда поднимают тост. Тогда быстро откладывает телефон и с энтузиазмом тянется к своей рюмке.

Тамара на другом конце стола нудит в ухо своему Пашке, чтобы не пил. Сколько лет нудит, столько же лет все по итогам кончается тем, что мы помогаем загружать безжизненное тело в такси, а она бежит вокруг и извиняется за него.

Светик рядом со мной раскладывает на своей тарелке натюрморт – в самый раз для инстаграма. Красиво, по ЗОЖ и богато. Но почему-то не фотографирует, а как будто демонстрирует окружающим.

Через пару часов будут забыты диеты, матчи, чаты, запреты и даже померанский шпиц. Дамы перейдут на водку, джентльмены на коньяк, салаты с авокадо и рулетики с рукколой и пармской ветчиной будут безнадежно сохнуть, отодвинутые в сторону, зато пирожки и соленые помидорчики улетят за милую душу. Придется лезть на антресоли за гитарой, а вместо Билли Айлиш и Эда Ширана народ потребует Максим и Лазарева. И начнутся танцы!

Я их обожаю – друзей моей юности. Сидеть с ними за одним столом на их или свой день рождения, Новый год, восьмое марта; затевать шашлыки с апреля по октябрь, мотаться в соседний город в боулинг или к лесному озеру в баньку к столетнему деду Егора. Смотреть, как становится все необъятнее пузо Дениса, все тоньше – талия Марины, все отчаяннее – макияж Тамары. Радоваться, что, как бы нас жизнь ни мотала, а все равно сидят рядом ФСБшник с журналисткой, танцуют «медляк» бизнесвуман с автомехаником, выбегают покурить непризнанный художник с замороженным программистом. Не всякая «вторая половинка» к нам вливается. Зато уж если вливается, то насмерть.

И вот новое наше приобретение сидит по правую руку от Светки, вежливо пробует все, что ей предлагают, но ничего не доедает до конца, смеется над Денискиными анекдотами, каждый раз чуть запаздывая, буквально на полсекунды, словно лишь подхватывает общий смех, а сама даже не слышит. И вздрагивает, когда наши взгляды встречаются.

Но снова и снова поднимает на меня глаза, ищет меня. А я так и вовсе почти не отрываюсь от нее.

Даша.

Значит, бежала она так отчаянно, спасаясь от нашей вечеринки. Если бы я верил в судьбу, сейчас хохотал бы во весь голос. Даша-Даша, надо было лифт подождать, и все бы обошлось!

А теперь...

Все сложно.

– Не пора ли нам выпить! – напоминает Денис. – Скоро спать, а мы не ели, скоро есть, а мы не пили! Давайте, кто еще не поздравлял именинника?

Светка рядом со мной облизывает густо накрашенные губы, кладет ладонь на мой локоть и начинает подниматься со стула, но ее опережает Алла.

– Мне кажется, моя очередь. – Она проводит руками по талии, бедрам, украдкой проверяя, все ли оценили, как сидит на ней новое платье.

Она думала произвести фурор своим безупречным вкусом и дырой на моей кредитке, образовавшейся после покупки, но когда я вернулся в квартиру и застал всю женскую часть, воркующую вокруг Светика, стало понятно, что, увы, все было зря. Тонкую розовую ткань щупали в несколько рук, цену пересказывали друг другу шепотом – да и с фигурой, надо сказать, ей повезло больше, чем Алле.

– Да, да, дорогая! Ты самая главная здесь! Кто еще делает из мужчины человека, как не женщина? – радуется Денис, поспешно поднимая бокал.

– Богдан! В такой день принято желать здоровья, и я его тебе, конечно, желаю. Принято желать профессиональных успехов, и без этого, надеюсь, ты тоже не обойдешься. Удачи, сил, вдохновения, богатства, мудрости, долголетия. Все это тоже пусть у тебя будет. Но хочу еще кое-что сказать... Я знаю тебя дольше всех здесь, наверное...

– Нет, я дольше! – возражает Денис. – Между прочим, это я вас познакомил! Надо было самому за ней приударить, эх!

Алла фыркает, даже не глядя на него. Она разворачивается ко мне и продолжает:

– И не было дня счастливее, чем день нашей свадьбы. С этого момента и все эти годы я чувствовала твою заботу и любовь. Хочу сказать, что такого верного, преданного и порядочного человека я не встречала никогда. Я счастлива называть себя твоей женой и хотела бы пожелать тебе... – Она улыбнулась. – ...чтобы всю эту удачу, мудрость и долголетие мы разделили на двоих до конца наших дней. Потому что нет для мужчины лучшего подарка, чем ценящая его жена, а я буду стараться любить и ценить тебя и дальше не меньше, чем все годы до нынешнего момента. За тебя, моя любовь! За наш идеальный союз!

– Как романтично ты сказала... – выдыхает Наденька. – Сама придумала?

– От сердца, – говорит Алла, глядя на меня.

Понятия не имею, зачем она устраивает этот спектакль после всего, что наговорила мне утром и перед приходом гостей. Но не сейчас же выяснять... Я медленно поднимаюсь, и следом поднимаются остальные. Тянутся чокаться над столом, купая рукава в салатах и рюмках, а я... ищу взглядом Дашу. Она единственная не привстает со стула, чтобы дотянуться даже до тех, кто сидит на другом конце стола. Она держит в одной руке бокал с темно-красным напитком, а другой сжимает край стола побелевшими пальцами, судорожно, будто боится упасть.

Кровь отлила от ее лица, оставив бледной как бумага. И от этого она, с ее светлыми волосами и черными стрелками на веках, стала похожа на героиню черно-белого комикса, напечатанного в две краски в дешевой газете. Резкие тени под глазами, напряженная шея.

И отчаянный, будто умоляющий взгляд черных глаз с аномально расширенными зрачками.

Мир снова рывком отдаляется от меня. От нас. Ничего вокруг не остается, кроме этого взгляда, кроме необходимости объяснить ей... Объяснить что?

Мне совершенно нечем сейчас оправдаться.

Отчаянная обида, которая плещется в непроницаемо-черных зрачках, рвет меня на части. Хочется вскочить, перепрыгнуть через стол, схватить ее в охапку, прыгнуть на верного коня и умчаться за тридевять земель – туда, где нас никто не найдет.

Но нет у меня коня. И не ждут нас там. А планета круглая, и GPS-спутники запеленгуют хоть на другой ее стороне.

– За Богдана! – разрывает наше уединение среди толпы дружный тост моих друзей.

– За любимого мужа! – мурлычет Алла, демонстративно закидывая мне на шею руку и оставляя отпечаток губной помады на щеке.

– За тебя... – шуршит с придыханием на ухо сладкий голосок Светика, и ее горячее бедро недвусмысленно трется о мою ногу, а рука поглаживает предплечье, задевая браслет из шершавых бусин.

Я кривлюсь, когда острый ноготь царапает поверхность одной из них.

Будто мое сердце царапает.

Большие планы

Это просто нечестно!

Слышишь, Вселенная? Бог? Мироздание?

Кто там есть живой наверху? Насмешливый и злой, устроивший мне этот вечер!

За что?!

ЗА ЧТО?

Я не выбирала быть любовницей женатого. Никогда не хотела никому причинять боль! Ошиблась, повелась, наделала глупостей, но ведь бросила все, отказалась от всего, что у меня было, чтобы исправить эту ошибку.

Решила начать все с нового листа!

Добровольно пожертвовала тем, о чем в нашем городе мечтает каждая девчонка.

Все, все, все, заберите у меня вообще все!

Но зачем забирать еще и мою душу?..

Зачем...

Мне показалось, что все еще возможно. Что Светка была права: сегодня самое время возрождаться. Начинать новую жизнь.

И вот он – мой подарок! По-настоящему мой.

Мне казалось, что я знаю Богдана всю жизнь. Такие знакомые до боли жесты, повороты головы – даже к моему браслету он прикасался привычным, машинальным движением. Заразительная улыбка, смешные и не злые, хотя и немного ехидные шутки. Как он успевал перекинуться парой слов с каждым из друзей, никого не забывая.

И обжечь взглядом меня...

Почему я умудрилась решить, что он свободен? Разве такой мужчина может быть свободен?

Если бы я раньше сложила два и два: что подругу Светки зовут Алла и вечеринка проходит у нее. Что празднуем день рождения Богдана, и он ведет себя тут по-хозяйски, успевая проследить, чтобы гостям за столом всего хватало. То гораздо быстрее поняла бы, кто они друг другу.

Но я плавала в розовом сиропе, булькающем у меня в голове, и как можно незаметнее касалась языком верхней губы, которую он трогал своим языком во время поцелуя.

Тихонько улыбалась. Еще не успевая настроить планов.

Правильно.

Я не собиралась сегодня пить вообще, но под тост за Богдана одним глотком осушила свой бокал и даже почувствовала себя лучше от резкой терпкой кислоты выдержанного вина.

За Богдана. За любимого и верного мужа Аллы.

Момент моего шока прошел незамеченным, все снова расселись по местам, заговорили громче, потянулись накладывать еду, Алла убежала на кухню и торжественно вынесла запеченную с розмарином баранью ногу. Под это дело решили, что вино уже не то, нужно что-то покрепче. И картошечки. Поползли галстуки, покраснелись лица, стали проскальзывать визгливо-пьяные нотки в женских голосах и агрессивно-непримиримые – в мужских.

Громче зазвучала музыка.

Светка, которая все время о чем-то болтала с Богданом, в сторону которого я старалась больше не смотреть, ткнула меня в бок:

– Пойдем покурим.

– Я не ку... – Получив еще один тычок, я согласилась: – Пойдем.

Светка поволокла меня через темный коридор куда-то вглубь квартиры, не включая света, протащила через комнату, в которой, в отличие от гостиной, пахло свежестью и листвой,

и вытолкнула на открытый балкон, под мелкий мартовский дождик. Над нами была крыша, но ветер задувал под нее морось, и она противно оседала на лице.

Подруга достала две тонкие сигаретки, подкурила и сунула мне одну из них. Я не стала спорить, просто держала ее в пальцах и ежилась: не додумалась накинуть даже палантин, а платье было слишком легким для такой погоды.

– Короче, слушай. – Светка постучала ногтем большого пальца по зубам. – Алка, конечно, дала. Столько меда и патоки... Что-то она подозревает.

– В смысле? – Я обняла себя двумя руками, пытаюсь унять нервную дрожь.

– Ну, что я нацелилась на ее Богдашу. За ней раньше такого не водилось, она, наоборот, любит его в больших компаниях поопускать. Какой он типа няша безответный. Другой бы за танцы с мужиками в зубы дал, а этот смотрит, улыбается. «Доверяю тебе», – говорит. Ну и чморит его вечно за то, что машину меняет раз в три года, не чаще. Не покупает ей каждую новую модель айфона, да и в отпуск они ездили почему-то в «грязный» Марокко, а она хотела на Мальдивы.

– Ужасный мужчина, как она с ним живет, – процедила я сквозь зубы, не удержавшись.

– Вот! Ты меня понимаешь, Дашка! – Света чуть не кинулась мне на шею, я еле успела увернуться от тлеющего кончика ее сигареты. – Если баба не ценит своего счастья, оценю я!

– Думаю, если он свистнет, будет очередь ценительниц.

– Не без того. Поэтому брать его надо горяченьким, не дав выйти на рынок холостяков даже на минуточку! А то он заметит, что там следующее поколение уже подросло!

Я рассматривала свою сигарету. Как огонек то разгорается, то затухает под порывами ветра. У дыма был легкий вишневый привкус.

Мы помолчали. Светка курила, я просто стояла, чувствуя, как растекается в сердце холод и темнота.

Так хотелось весны... Мая, белых лепестков цветущих вишен, упругой южной черешни, теплого солнца на лице, а не вот этого промозглого разговора.

Поискала, обо что затушить сигарету, но не нашла ни намека на пепельницу. Светка, раздраженно зашипев, вырвала окурочек у меня из руки и вместе со своим выбросила с балкона.

– Ну что, пошли на войну?..

Она поправила грудь, чтоб та казалась повыше, тряхнула волосами и вдруг замерла:

– Оу... Ты смотри...

Я обернулась. В полутьме комнаты мелькнула белая рубашка, и я сразу, без сомнений, узнала Богдана. Словно кто-то прописал в мой код ДНК безупречный компас, указывающий на этого мужчину.

Светка встрепенулась, как боевая лошадь, заслышавшая звук горна, и сама распахнула ему навстречу балконную дверь.

На меня он не посмотрел.

– Гости заскучили? – спросил у Светки.

– Нет, что ты... – Светка притерлась поближе к нему, провела пальчиком по узлу галстука, стрельнула глазками. – Просто покурить отходили, а теперь идем танцевать. Идем, Богдан? Ты как именинник должен танец каждой женщине!

– Да, конечно... – Богдан тряхнул своей пачкой сигарет, но открывать ее не спешил. – Покурю и потанцуем, Светик, когда я тебе отказывал?

Он протиснулся на балкон, как-то незаметно поменявшись с ней местами и оставив ее в комнате. Потянулся закрыть дверь.

Светкина улыбка стала натужной, но она помахала ему и направилась в гостиную. А Богдан развернулся ко мне, и только тут я заметила, что у него в руках плед.

Он шагнул вперед, накрывая им мои плечи.

Молча.

Клятвы

Холодная мартовская ночь, свежий ветер треплет волосы. Я снова влюблена в женатого мужчину, и все плохо – но от этого простого жеста я согреваюсь мгновенно. Потому что его пальцы коснулись моей кожи.

И так велико искушение...

Я борюсь с ним как могу. Первая начинаю разговор:

– Прости, пожалуйста, я не должна была так делать... на лестнице. – Я отвожу глаза, потому что он стоит слишком близко и смотрит слишком внимательно. Слушает. – У меня, наверное, с непривычки голова закружилась от местного воздуха. – Я неловко усмехаюсь. – После Москвы он тут слишком свежий, экология у нас хорошая.

– Даш, – прерывает он меня. – Не надо. Ты отлично понимаешь, что не в воздухе было дело.

– Да неважно... – бормочу я, не решаясь поднять на него глаза. Слишком боюсь не устоять, сломаться. Слишком меня тянет к нему, сильно, до боли.

– Важно, – твердо говорит Богдан.

– Ты женат.

– Да, но это не главное.

Кусаю губы, упорно глядя в сторону. Балкон выходит во внутреннюю часть двора, ничего интересного там не происходит. Светятся разноцветными огоньками чужие квартиры, освещает холодным светом фонарь пустую детскую площадку. Но я смотрю туда так упорно, что начинают слезиться глаза. Говорю тихо:

– Только не говори, что вы не настоящие муж и жена, а просто живете вместе.

– Нет, не просто.

– Что она тебя никогда не понимала...

– Понимала.

– Что между вами нет секса уже год, а то и больше.

– Есть.

Вскидываю на него глаза, рву по живому, по недавно зажившему шраму на сердце:

– Разве ты не собираешься врать, чтобы затащить меня в постель?

Он встречает мой взгляд очень спокойно. Руки засунуты в карманы брюк, пачка сигарет в кармане рубашки, галстук он уже поправил, разгладил, как смог. Внешне он совершенно невозмутим, но каким-то десятым чувством я чувствую, как внутри него горит безжалостный огонь. Как вибрируют на бешеном ветру натянутые стальные канаты его нервов. Что руки в карманах сжаты в кулаки, потому что больше всего на свете ему хочется меня обнять.

Чувствую, потому что внутри меня все то же самое.

– Нет, – говорит он, и я успеваю умереть за крошечную паузу между фразами. – Я собираюсь развестись, чтобы затащить тебя в постель.

Отшатываюсь. Голос срывается почти на крик, но я успеваю его приглушить:

– Ты больной, что ли?!

Нет! Нельзя! Что ты творишь?

– Пару недель назад диспансеризацию проходил, все в порядке, могу справку показать. – Он перекачивается с пятки на носок, на мгновение становясь ко мне ближе на пару сантиметров, и мне кажется – зря. Потому что еще чуть-чуть – и наша взаимная гравитация станет непреодолимой и... случится что-то страшное.

– На голову больной! – сиплю я сорванным голосом. Сорванным от крика внутри себя самой, от усилия сдержать этот крик, не выпустить. Что ты делаешь?!

– Психиатр тоже был, – усмешается Богдан.

– Ты просто искал повод для развода? – перебираю я хоть какие-то объяснения его поведению.

– До сегодняшнего вечера даже не думал об этом, – пожимает он плечами.

– Что изменилось?

– Ты.

Так спокойно. Так буднично. Словно каждый день мужчины встречают женщин, целуют их в первую минуту знакомства и тут же решают развестись.

– Прекрати, – прошу я.

Потому что мне слишком хочется поверить. Разорванным по свежему шву кровоточащим сердцем – хочется!

– Ты сама спросила, – пожимает он плечами.

– Никто так не делает... – шепчу я почти неслышно, одними губами.

– Я делаю.

Я мотаю головой, отступая от него шаг за шагом, пока не упираюсь спиной в ограду балкона. Дальше – некуда. А Богдан все еще слишком близко.

– У тебя просто крыша потекла, – говорю быстро, тараторю, чтобы потоком слов удержать его на расстоянии... удержать хотя бы его. – Нельзя разводиться, если ты просто поцеловал кого-то! Если просто возбуждился! Подожди – и тебя отпустит! Если б все в таких случаях разводились, статистика была бы еще хуже, чем сейчас. Знаешь, почему наши бабушки и дедушки столько лет вместе жили? Потому что не бросались очертя голову в каждый омут, что...

– Даш... – Он прерывает меня одним прикосновением.

Одним-единственным касанием пальцами моих пальцев, что нервно комкают ткань пледа. Абсолютно невинным. Но меня встряхивает так, что кажется – бригада врачей подъехала с дефибриллятором и шарахнула максимальным зарядом.

– Нет! Не трожь! – вскрикиваю в отчаянии.

Он убирает руку, но я смотрю на его подрагивающие пальцы и жалею, жалею, жалею...

– Завтра утром я подам заявление на развод, – говорит Богдан так, будто на сто процентов уверен в своем решении.

– А жена знает? – горько усмехаюсь я.

– Узнает.

– Тебе ее не жалко?

Богдан впервые за разговор отводит от меня взгляд. Отворачивается, любуясь на все тот же тихий темный двор. Там шумят под весенним холодным ветром деревья, мигает умирающая лампочка у подъезда напротив. У кого-то в квартире гаснет желтый свет на кухне и начинают вспыхивать голубые отсветы телевизора в спальне.

Ничего интересного.

Но он молчит и смотрит туда довольно долго, пока я упорно разглядываю темную тень щетины на его челюсти. Скольжу взглядом по рукам, упирающимся в ограду балкона, по мятым манжетам рубашки: он застегнул их, скрывая мой подарок.

При воспоминании о собственном порыве кровь бросается в лицо. Виновна! Свидетельство грехопадения налицо – причем его-то поцелуй без следа растаял на моих губах, а я сама оставила ему улику.

– Очень жалко, – глухо говорит Богдан. – Но тратить ее время, вынуждая жить с человеком, который ее не любит, было бы жестоко.

– А ведь ты наверняка клялся в вечной любви, когда надевал ей кольцо... – наваливаю я пару тонн камней на его уже и так потрескавшуюся совесть.

– Все мы клянемся в том, что не можем выполнить, даже если очень хотим. – Он поворачивается, и в светлых глазах я вижу яркие искры. Он склоняется ко мне, и мой язык примерзает к нёбу, я больше не могу протестовать, я устала бороться с собой. Но Богдан не делает больше

попыток прикоснуться ко мне. Он просто стоит очень-очень близко, невозможно, недопустимо близко, так что я чувствую его дыхание и начинаю отчаянно скучать по вкусу поцелуев, который не успела забыть. – Что бы ты сама предпочла: жить с человеком, который любит другую, но выполняет данное тебе обещание быть всегда вместе? Или как можно раньше использовать свой шанс на свободу?

Конец вечеринки

«Кончилось шампанское, погасли фейерверки», как пели Abba в своей новогодней песенке. Собираешь грязную посуду со стола, заметаешь осколки, кладешь на полку под зеркалом в прихожей чью-то потерянную серьгу и забытый шарф.

Думаю, это печальное время после окончания вечеринки – основная причина, по которой мы все чаще празднуем где-нибудь в кабаках. Уходя оттуда с цветами, подарками и хорошим настроением. Не надо возвращать на места вытащенные книги, оттирать пятна от диванов, мыть посуду.

Завтра, конечно, придет домработница, но оставлять на ночь разгром после вечеринки не хочется.

Я относил посуду со стола на кухню и убирал в холодильник остатки еды, когда пьяная в хлам Алла воздвиглась в дверном проеме, обвела мутным взглядом пространство и, шатнувшись, подошла к раковине. Включила воду и, не жалея широких рукавов праздничного платья, принялась мыть посуду, покачиваясь на высоких каблуках.

Она не выносила ни единой грязной ложечки, оставленной до утра.

– Оставь, – сказал я. – Сам вымою.

Алла перевела на меня взгляд, со звоном бросила в раковину вилку, которую медленно терла губкой, и раздраженно встряхнула руки.

Пришлось захлопнуть холодильник и, засучив рукава, перебазироваться к раковине.

Она фыркнула мне в спину и уселась на табуретку.

Я, не глядя, ощущал, как она осматривает все вокруг, ища повод прицепиться: в этом состоянии ее все бесило. Но мне надо было собраться с мыслями, чтобы начать важный разговор, и я молчал. Мытье посуды упорядочивало их немного.

– Опять лапал чужих баб, постеснялся бы при жене! – без прелюдий начала она, когда я завернул кран и распустил рукава, мимолетно коснувшись пальцами каменного браслета. Спрятал теплую улыбку.

И развернулся к жене, складывая руки на груди.

– Я стеснялся.

– Опять издеваешься! – взвизгнула Алла. – Что ты за человек! Видел, как Светка вырядилась?!

– В этом тоже я виноват?

– Ты виноват в том, что танцевал с ней! – отчеканила Алла, тыкая в меня пальцем.

– Я со всеми танцевал.

Кроме Даши. Именно это выдавало меня с головой – если бы Алла была чуть внимательнее и не так заиклена на своих фантазиях, она бы все поняла.

Боялся сорваться, не выдержать близости. Не хотелось при гостях затевать тот скандал, что разворачивался сейчас.

Жутко хотелось курить, но в квартире нельзя: обоим впитают запах, как считает Алла. Ни у кого еще не чувствовал запах сигарет от обоев, ну да ладно. Потерплю. Так будет быстрее.

– Что ты устроила за показательное выступление, кстати? – поинтересовался я, опираясь на кухонную стойку. – Что за порядочный человек, которым ты меня считаешь? С утра я таким не был.

– Ну ты же жалуешься, что я тебя не ценю, а ты мне и то, и это, и десятое... – повела плечом Алла. – А я позорю тебя перед друзьями. Вот, похвалила – опять не то! Все тебе не то! Вытащила тебя из деревни, научила костюмы носить, а то ходил кургузый. Ножом и вилкой пользоваться! Рассчитывала, что спасибо скажешь, когда благодаря моей поддержке чего-то добьешься! И что получила?

Признаться, я ожидал развития темы в область моей неверности. Это было бы логично после утренних разборок и инцидента с платьем. Но, наверное, во мне говорило чувство вины. У Аллы была своя программа.

Очень спокойно сказал:

– Я тебе очень благодарен и всегда это показывал. – И прежде чем она набрала в легкие воздуха, чтобы возразить, добавил: – Но в пределах разумного.

– Показывал? – Алла хлопнула ладонью по столу. – Показывал?! Жене машину пожадничал купить!

– Я уже объяснял, что покупать машину ценой в нашу квартиру, вынудив средства из бизнеса, это далеко за пределами разумного!

Как я ни старался держаться, только Алла всегда умела развести меня на эмоции.

– Единственную вещь у тебя попросила за весь наш брак! Сделать мне подарок!

– Почему подарок тебе, хотя день рождения мой? – спросил я у потолка.

Риторический вопрос. Мы его уже закрыли пару дней назад.

Потому что она так хочет, вот почему.

При слове «подарок» рука непроизвольно дернулась, прикрывая браслет. Я повозил его по руке, чувствуя тепло, исходящее от каменных бусин.

И сразу толкнулось ответным теплом в сердце.

И сразу вспомнилась Даша и ее требовательный взгляд.

«Ты что – больной?»

Ну а как?

Если она не почувствовала того же самого, то как ей объяснить, что одно прикосновение изменило все? Что я увидел совсем другой мир и другую жизнь. Ее тепло, ее губы, ее дыхание, смелость – с этим поцелуем, щедрость – с браслетом, самоотверженность и силу – идти вперед, невзирая на боль, которую ей уже причинил другой мужчина.

И великодушие: узнав правду, она не ушла, она выслушала меня. Дала шанс. Нет, не сказала этого прямо – и это еще один плюс. Но я видел в ее глазах, что она позволила мне доказать, что мои слова – не просто сотрясение воздуха.

Все это так не похоже на мою предыдущую жизнь...

Алла, конечно, заметила, что я задумался:

– Мечтаешь? Присматривал, небось, себе любовницу?

Как обычно. Все наши тусовки – чтобы найти себе любовницу, зачем же еще?

– Да. – В этот раз я в кои-то веки ответил честно.

– Присмотрел? – Она некрасиво скривила губы.

– Да.

– Что-о-о? – Алла аж привстала со стула. – Ты серьезно?!

– Абсолютно.

– А... – Она как будто что-то поняла. Покачала головой и упала обратно. – Это твои психологические штучки. Научился у своих мозгоправов. Но на меня это не действует!

– Ал, я уже говорил, —устало напомнил ей. – У психиатра я был один раз, и разговор длился полчаса. Получил справку, что нормальный, раз ты требовала, и ушел. А ты зря тогда отказалась. Давай запишем тебя?

– Я нормальная! – тут же ошетинились она.

Вздыхнув, я попробовал еще раз. Последний. Уже не ради себя – для себя я все решил. Ради нее самой. Протянул открытые ладони, показывая, что иду с миром.

— К врачу ходят и нормальные люди. Которым просто тяжело.

Сделал шаг к ней. Отшатнулась.

– Хочешь меня в дурку сплавить? – прошипела она.

– Нет, Ал, я хочу, чтобы тебе стало легче. Давай запишем тебя к врачу, посмотрим почему ты такая... нервная... – и я уже знал, что зря это произнес.

– Почему я нервная? – Алла орала уже в голос. Поэтому в спальне я сделал звукоизоляцию, стараясь не реагировать на смешки прораба. Обычно мы ругались там, и на старой квартире соседи начинали стучать по батарее. Видимо, надо было и в кухне сделать. – Я нервная, потому что у меня муж – козел! Потому что ты меня не любишь и не любил, только использовал всегда! Признайся, это ведь ты Светке платье купил?!

– Ч-что?.. – Я опешил от абсурдности обвинения. – Нет.

– Врешь! Не могла эта тварь себе такую дорогую шмотку позволить!

– Я не единственный мужчина с деньгами в этом городе.

– Хватит вра-а-а-ать! – Алла подскочила и заорала мне в лицо. – Иди к черту! Я с тобой развожусь! Я найду того, кто меня оценит! Раз человеком сделала, так любого сделаю!

Не так это должно было произойти. Но не воспользоваться случаем было бы глупо.

– Хорошо. – Я кивнул. – Завтра идем в ЗАГС.

Не первый раз она пыталась испугать меня разводом, но первый, когда я не испугался.

– Думаешь, прогнешь меня? – Алла чуть сбавила обороты, отреагировав на непривычное согласие. – Утром пойду на попятный? И ты будешь мной манипулировать? Ставь будильник на семь утра! Давай!

– Хорошо.

Я достал мобильный и правда выставил будильник. Не помню, когда открывается ЗАГС, но по воскресеньям он должен работать. И тогда я уже завтра смогу сказать Даше, что я свободен. Молча показал Алле экран телефона и направился в спальню. Стащил галстук, стал расстегивать рубашку.

Она явилась следом. Посмотрела, как я снимаю брюки, и презрительно выплюнула:

– Я не буду с тобой спать! Знаю я тебя, кога! Залижешь сливочки язычком – и вроде как и не было ничего! – Подхватила подушку и одеяло с кровати, но остановилась. – Нет. Лучше ты уходи.

Я молча взял свою подушку. Одеяло у нас весь наш брак было двуспальным, одним на двоих. У других, я знал, было принято спать под разными, но для меня это было чем-то вроде символа. Не помогло, как видим.

Алла уже завернулась в него, не снимая платья, и демонстративно улеглась посреди кровати. Что ж – достанется ей.

Я вздохнул и ушел в кабинет.

Там мне нравилось иногда дремать днем после тяжелых переговоров. Окна выходили на восточную сторону, и это делало комнату идеальным местом для растений. По стенам стелились плющи и лианы, подоконники были уставлены фиалками, вдоль стены выстроились деревья в кадках. В этих джунглях даже зимой пахло летом и свежестью.

А еще на диване валялся простенький бежевый плед из «Икеи».

Тот самый, в который сегодня куталась на этом балконе Даша. И, наверное, я слишком поспешно согласился на ночь в разных комнатах, потому что вспомнил о нем. Поднял, прижал его к лицу, вдыхая запах ее духов. Ярких, модных, но под ними чувствовался теплый вкус ее кожи. Хотелось, как коту, тереться о плед лицом и мурлыкать.

Впервые в жизни после наших безумных ссор с Аллой я не надеялся, что с утра она отойдет и успокоится. Надеялся, что из упрямства пойдет до конца.

Это было не совсем честно, хотя я говорил ей только чистую правду.

Но она была права: манипулировал. Ждал одну из тех ее истерик, во время которых она уходит от меня, а я умоляю остаться.

Так было легче. Малодушно, но легче.

Мне надо было сохранить хотя бы немного сил, потому что я подозревал, что развод с Аллой будет не самой сложной проблемой.

Мне еще предстояло бороться за Дашу с самой Дашей.

30 дней до развода

С утра Светка мрачно ходила по квартире, щелкала кнопкой чайника, но когда он вскипал, забывала о нем. И через полчаса снова щелкала.

Я сидела в углу кухни в старом, подранном давно убежавшей на радугу светкиной кошкой Маркизой кресле и смотрела на темный экран телефона. Глупое-глупое мое сердце, в агонии дергающее наспех наложенные белой суровой ниткой швы, желало невозможного.

Чтобы все слова, сказанные мужчинами, были правдой. Хотя бы сегодня.

Но по улице гулял братец Март, самый обманчивый из всех месяцев, и если уж Декабрю с Январем не под силу исполнить новогодние желания влюбленных женщин, то уж он-то тем более не будет стараться.

Март – время безумия, с которым придется справляться самостоятельно. Ветра в лицо – холодного, жестокого, снежного. Ветра в сердце – пронзительного, отчаянного, головокружительного.

Я его знаю, но не буду ему поддаваться.

Мне уже тридцать один, я взрослая женщина, которая не собирается всю жизнь быть на вторых ролях. Хватит гоняться за красавчиками с прозрачными глазами и жилистыми руками, ждать их звонков и выкраивать время на встречи.

Найдется и для меня хороший человек. Не такой, от которого останавливается сердце, зато он не будет делить меня ни с какими другими блондинками. Или брюнетками. Или благодарными за долгие годы верности женами.

Светка в очередной раз щелкнула кнопкой, я вздохнула, вылезла из кресла, достала две чашки. Положила в них пакетики чая, дождалась, когда вода вскипит, и залила их кипятком. И когда Светка в очередной раз пробежала мимо, сунула ей чашку.

– Даш! – сходу включилась она в беседу. – Ну вот ты скажи мне, у тебя опыт есть. Чем его зацепить? Я же вижу, что ему нравлюсь. Духи мои похвалил! Потанцевал! А ты видела, как а-а-ак он на балконе меня зажал, я с трудом протиснулась. Как в кино, Даш!

– Ээээ... – Я на всякий случай побыстрее отхлебнула чаю, потому что она всерьез ждала ответа, а я не знала, как реагировать на такую интерпретацию событий. Чай оказался обжигающе горячим, я взвизгнула, чуть не уронив кружку, быстро отставила ее на стол и высунула язык, как собака. На глазах выступили слезы.

– Балбесина ты, Даш, – вздохнула Светка. – Ладно, все фигня. Я думаю, его просто надо чуточку подтолкнуть! Заглянуть к нему на работу в пальто, под которым только кружева и ляпочки, как думаешь? Или слишком прямолинейно? Мужчина – хищник, он должен добиваться...

Я покивала, морщась и водя обожженным языком по зубам.

Не правда ли, смешно: пока она ищет повод увидеться с Богданом, я думаю, как от него ускользнуть. А может, зря?

– Свет, а часто он от жены гуляет? – прошепелявила я.

– До сих пор никогда... – с тоской вздохнула Светка. – Будет сложно! Зато если захвачу его в плен – не о чем будет волноваться! Будет терпеть меня, как Алку терпит! Но я буду умнее. Я ему ребеночка рожу – и все, он мой.

– А она чего не родила? – вдруг заинтересовалась я.

– Фигуру не хотела портить! – фыркнула Светка. – Видела ее фигуру? Такую кашу уже никаким маслом не испортишь.

Из комнаты заиграл рингтон светкиного телефона, и та поскакала туда, расплескивая чай на линолеум. Я пошевелила пальцами ног в теплых носочках и ощутила, как под ними поскрипывают крошки. Стол тоже был липкий и грязный, чайник захватанный, окна лет пять

не мыли... Пока за ними не на что было смотреть, но скоро полезут первые листочки из набухших почек, небо станет голубым, вишни зацветут...

Начну, пожалуй, с мытья плиты – решила я, посмотрев в ее сторону. Потому что крошки на полу не шли ни в какое сравнение с многолетними наслоениями грязи вокруг конфорок.

Уже поливая плиту найденным под раковиной средством от застарелого жира, я поняла, что, кажется, моя тоска по Валентину полностью прошла. Забрав с собой апатию, безразличие и прочие признаки депрессии.

Я даже улыбнулась и распахнула форточку, чтобы вдохнуть мартовский ветер. Спасибо Богдану за этот неожиданный подарок! Воистину: клин клином!

– Даш, я пойду погуляю с Алкой, она что-то совсем расстроилась, надо поддержать! – сообщила Света, заглядывая на кухню. Она уже приватизировала мой палантин, кажется, но я промолчала. – А ты чем занята?

– Да вот решила весеннюю уборку сделать! – Я выпрямилась, сдувая прилипшую к щеке прядь.

– Молодец. Вернусь, все расскажу! Чмоки!

И подруга улетела. Я покачала головой. Но, если честно, и сама видела себя не лучше. Она дружит с женой мужчины, которого собирается увести, а я дружу с женщиной, которая имеет виды на мужчину, который нравится и мне. И имела их гораздо раньше, чем я с ним вообще познакомилась!

Но не успела я домыть плиту, не уставая нахваливать средство, которое оказалось прямо как в рекламе: провела губкой – и чисто! – как раздался настойчивый такой звонок в дверь.

А так как глазка у Светки почему-то не было, то стоящий на лестнице Богдан оказался для меня полным сюрпризом.

Господи, а я тут в старой футболке, розовых перчатках для уборки и с гулькой на башке!

– Привет, – говорит он, и я мгновенно тону в прозрачных глазах, забыв обо всем.

– Светка ушла, – цепляюсь за последнюю надежду.

– А я к тебе.

Он шагает в коридор, и я пячусь, впуская его, и задним числом придумываю, что просто не хочу устраивать шоу для соседей по площадке. Сейчас вот скажу еще разок, что тот поцелуй был ошибкой, и сразу выгоню.

Но Богдан успевает первым:

– А я заявление на развод подал.

Я ахаю, приложив руки в мокрых перчатках к щекам.

– Так ты не...

– Не шутил. Не издевался. Не больной.

– И... – Я снова пячусь, упираясь в стену, потому что ноги рядом с ним подкашиваются неизменно. То ли от таких новостей, то ли... вообще от него. – Что теперь?

– Теперь нам дали месяц на примирение. Через месяц я зайду забрать свидетельство о разводе и буду свободным человеком.

– Покажи... – сиплю прошу я.

Подлю, конечно, считать обманщиками всех мужчин, после того как меня обманул один, но кто бы на моем месте не усомнился?

Он понимает. Достает телефон, листает галерею фотографий и показывает мне на экране размашисто подписанную бумагу. И пока я рассматриваю ее – Богдан Анатольевич Чернов, 1990-го года рождения – его дыхание ощущается ласковым теплом на моем виске. Тяжелое, частое дыхание.

И когда поднимаю глаза, Богдан все еще рядом, стоит вплотную и чертовски сложно не поддаваться всем тем желаниям, что я испытываю сейчас.

– Жена согласилась? – спрашиваю полупшепотом, пропадая в его голодном взгляде.

- Она сама предложила, – усмехается краем губ. – Согласился я. Мы часто ссоримся.
- И миритесь.
- Не в этот раз.

Он отводит прилипшую к щеке мокрую прядь за ухо, и от касаний его пальцев мурашки разбегаются по всему телу. Тянется к моим губам...

Зажмурившись, чтобы избежать искушения, я двумя руками отталкиваю его от себя.

– Нет! Никаких поцелуев, пока ты женат!

– Даша... – стонет Богдан. – Я же развожусь!

– Это ничего не значит! У меня был знакомый, который подавал заявление в ЗАГС с каждой случайной подружкой. Знаешь, что они ему в ту ночь устраивали, какие волшебные кульбиты? А жениться потом вовсе не обязательно! Вот и разводиться тоже. Если через месяц никто из вас за свидетельством о разводе не придет, вы останетесь женаты.

– Даш... – Богдан ловит мою руку и стаскивает наконец с нее резиновую перчатку. Гладит пальцы, очерчивая их, перебирая с невероятной нежностью. – Неужели ты не чувствуешь того же, что и я? Что вот это, случившееся с нами, – навсегда?

– Если оно навсегда, – шепчу я срывающимся голосом, – то тридцать дней – совсем не срок.

Всматриваюсь в его лицо, ища подвох.

Он не смеется надо мной?

Он правда думает, что на меня это подействует?

Он готов отступить и подождать, или это просто трюк избалованного бабника?

– Тридцать дней... – Богдан произносит это медленно, словно осознавая бесконечность срока. Он притягивает меня к себе, и я позволяю это, безвольная дура. – Ты мне нужна, Даш. Ты мне так нужна, что я готов ждать тебя гораздо дольше. Только если точно знать, что у этого ожидания будет правильный финал. Пообещай мне.

Какой смысл верить обещаниям? Он же сам не сдержал того, что дал жене.

Узнать друг друга

По-хорошему мне бы попроситься и уйти.

По-честному. Выдержать тридцать дней аскезы и вернуться к ней очищенным и свободным.

Начать наши отношения по-настоящему с нуля, без шлейфа прошлого и без налипшей грязи.

Но я всего лишь человек.

Я знаю, что моя женщина пахнет теплом и утром, что у нее нежные пальцы, смущенная улыбка, самые мягкие в мире губы, самое громкое на свете сердце – я слышу, как оно бьется.

Я знаю, какая она – настоящая. Но я ничего не знаю о том, что ее такой сделало. Как она стала такой? Может ли она расхотаться во все горло, а не только кусать губы? Запрыгнуть на меня с разбегу – о, думаю, может: она так лихо меня поцеловала!

Какие книги она читала в детстве? Какие любит цветы? Чем занимается вечерами?

Хочу узнать, как она стонет в постели, какой ее первый взгляд из-под ресниц с утра, плачет она в ПМС или швыряется посудой, в чем ходит по дому, когда болеет.

Мне кажется, я полюблю даже то, как она фальшиво поет в душе.

Потому я топчусь в коридоре, затягивая момент, когда надо развернуться и уйти, и судорожно ищу повод остаться. Но и она меня не гонит.

– Почему ты не позвонил? – вдруг спрашивает она. – Перед тем как зайти. Ты чуть не застал Светку.

– Я подождал, пока она уйдет, – признался честно.

– Серьезно? – Ее глаза округляются, а рот превращается в идеальную «О». – Ты...

Сталкер? Псих? Преследователь? Она вызовет полицию?

– Сумасшедший!

– Я же тебе говорил, я нормальный, у меня даже справка есть, – смеюсь я. – Я не знаю твоего телефона, Даш, представь себе. Мне кажется, это пора исправить.

– Только чтобы ты в следующий раз не топтался на холодном ветру! – строго говорит она, протягивая ладонь, и я вкладываю свой смартфон в нее. – А написал сообщение. Не пришлось бы приходить.

– Тогда отдай! – возмущенно говорю я и тянусь к ее руке. Даша отдергивает ее и отскакивает в сторону, настукивая пальчиками по экрану. – Лучше приду лично!

– На! – Даша протягивает телефон мне обратно с довольной улыбкой. Коварно обхитрила меня! Дала свой номер под угрозами!

Я накрываю ее ладонь своей... и больше не могу ее отпустить. Меня снова как будто примагничивает к этой девушке. Кто ее создал такую? Идеальную ловушку для Богдана Чернова?

Но и она стоит, как замороженная. Не убирает руку. Вот мы два идиота!

– Даш, скажи, а в Москве уже не принято гостей чаем угощать? – интересуюсь между делом. – Законы вежливости не в моде?

– Ой! Прости! – Она правда смущается. – Это же квартира Светки, я не очень чувствую себя хозяйкой. Проходи, конечно же. Думаю... – Она как будто делает над собой усилие, чтобы это произнести. – Она будет рада, если застанет тебя, когда вернется.

– Надеюсь, этого не случится... – бормочу я, проходя за ней на кухню.

Даша развивает бодрую деятельность: включает чайник, начинает вытирать со стола, хлопнуть дверцами шкафчиков, доставая то какие-то конфеты, то засохшие до состояния дерева сушки. Я не говорю о том, что сам мог бы принести угощение, – гость, блин. Но и не останавливаю ее, потому что смотреть на эту суету приятно. И сидеть здесь, на теплой кухне, тоже очень приятно. Как будто моя новая жизнь с ней уже началась.

Ей-богу, после концерта в ЗАГСе, а особенно после ЗАГСа, я заслужил небольшой перерыв в боевых действиях. Оазис посреди радиоактивных пустошей, где бегают мутанты и зомби и только отвернешься – откусывают половину жопы.

Даша ставит передо мной огромную чашку чая и за мгновение до того, как высыпать в нее ложку сахара с горкой, вдруг спохватывается:

– Ой, а ты сладкий пьешь? Я почему-то решила...

– Сладкий, – киваю я. – Три ложки. Все правильно. Сядь уже, Даш.

– Ты мое кресло занял, – с легким оттенком недовольства и улыбкой, прячущейся в уголках губ, говорит она.

– Не беда, – заявляю я и, перехватив ее поперек живота, усаживаю к себе на колени. – Здесь места хватит всем.

Она замирает.

Только сердце снова бьется так, что я слышу.

Кладет руки мне на плечи.

Кончиками пальцев поглаживает шею с боков, и я едва удерживаюсь, чтобы не начать урчать, – что-то внутри само по себе гулко вибрирует, рождая тяжелую низкую дрожь.

Но я не издаю ни звука, даже стараюсь не дышать, чтобы не спугнуть ее.

Потому что она так смотрит на мои губы, что, кажется, сейчас сама нарушит свои правила, и лучше бы мне не напоминать ей о реальности, пока она готова поддаться слабости.

Как замороженная, она наклоняется ко мне – медленно, невыносимо медленно, так что сторонний наблюдатель и не заметил бы этого движения. Но я ощущаю каждый миллиметр, на который сокращается расстояние между нами. Да ладно миллиметр – что там после него? Микрометр? Вот даже его ощущаю.

В груди растет ощущение бешеного восторга – даже если бы я хотел сейчас вдохнуть, я бы не смог.

Ну же, ну...

Но меня срывает слишком рано. Притяжению становится невозможно противиться, и я сжимаю ее теплое тело руками и преодолеваю последние сантиметры между нами, накрывая губами губы.

И она... отшатывается.

Пытается вскочить, но я держу ее крепко.

– Нет, Богдан! – вскрикивает.

– Ты же обещал! – упрекает.

– Пожалуйста... – плачет.

Не помню: обещал?

Но мольбу в ее голосе вытерпеть не могу.

– Не буду... – шепчу тихо куда-то в волосы, накрывая рукой затылок, когда она утыкается лицом мне в плечо. – Если ты так хочешь. Только не убегай. Посиди со мной.

Я знаю, как будет ломить пах от этих посиделок: я помню свои шестнадцать-восемнадцать, когда мы тискались на лавочках вечерами. Хотя даже тогда можно было целоваться до одури, до головокружения.

Все равно. Не мальчик, потерплю.

– Посмотри на меня... – прошу.

Она поднимает голову, и я снова с трудом могу вдохнуть.

– Ты такая красивая, – говорю. Но эти слова не передают того ощущения, что гнездится у меня в груди. Захватывающего дух восхищения.

Ведь что такое женская красота? Гладкая кожа, большие глаза, пухлые губы, тонкий нос, высокие скулы – все эти банальные черты, которые тиражируют на обложках журналов и

рекламных плакатах. Но, конечно, все женщины неуловимо отличаются друг от друга, и даже идеальные черты у всех выточены чуть-чуть по-разному.

Только одну Дашу, кажется, неведомый резец выточил так, что именно у меня останавливается сердце, когда я на нее смотрю. Все те же глаза-губы-нос-скулы-кожа, но почему-то только от нее не отвести глаз.

– Ты тоже... – вдруг говорит она, с не меньшим жадным вниманием рассматривая меня. – Очень, очень красивый.

И легкими пальцами очерчивает мой лоб, щеки, нос, линию челюсти, смешно шипя, когда колется о щетину. Рисует касаниями мое лицо – я закрываю глаза, чтобы насладиться этой лаской. Самой настоящей.

Тожe запретной, если подумать. Что там поцелуи – вот это по-настоящему интимно, то, что сейчас между нами происходит в тишине чужой кухни, пока на столе безнадежно остывает чай.

Последнее касание она оставляет на кончике носа и звонко смеется. Я открываю глаза и смеюсь тоже – а потом стремительным движением чмокаю в кончик носа ее саму.

И делаю крайне невинный вид. Что? Кто? Никто не целовался!

– Богда-а-ан! – возмущается она.

– Что-о-о-о? – передразниваю я, улыбаясь.

Теплое щемящее счастье в моем сердце так непривычно, что на секунду я даже задумываюсь: это ведь ненормально – чувствовать собственное сердце? Может, так и начинаются инфаркты?

– Давай договоримся, правда, – просит Даша. – Я... буду с тобой. Обещаю. Когда ты будешь свободен.

– Спасибо, – абсолютно серьезно говорю я, глядя в ее темные глаза с золотистыми прожилками. Они похожи на драгоценные камни – блеском, глубиной, неумолимой твердостью, что сверкает в них.

– Никаких поцелуев.

– Согласен, – киваю я, хотя совершенно не согласен.

– Никаких рук в неприличных местах.

– Ммм... А какие неприличные? – строю дурачка, начиная скользить ладонями по ее телу. Здесь мягко, тут упруго, там – невыносимо притягательная впадинка, а как горячо сейчас... Ух, как сносит голову!

– Вот эти! – останавливает меня Даша в самый интересный момент и перекладывает мою руку себе на талию.

– Понял, – покаянно киваю, пока она ерзает у меня на коленях, где внезапно стало чуть неудобнее сидеть.

– Все? Это все твои условия, прекрасная моя? – спрашиваю, касаясь большим пальцем ее верхней губы. В том месте, где у нее легкая припухлость, что проминается под нажимом.

– Еще никаких опасных слов... – говорит она, и ее губы почти обхватывают кончик моего пальца. Мне чудится, или острый язычок едва-едва касается кожи на нем?

– Опасные – это какие? – снова провокационно интересуюсь я. – Прекрасная? Нежная? Волшебная? Желанная? – И, понижая голос и не отрывая взгляда от ее глаз, произношу медленно: – Моя...

– Эти! – через судорожный вдох выпаливает она.

– Хорошо, – киваю. – Буду копить их в своем сердце все тридцать дней до развода и вывалю потом на тебя все разом.

Лишь бы она была согласна их слушать.

Лишь бы она была согласна на запретные прикосновения, когда выйдет срок.

Лишь бы через месяц я мог ее поцеловать.

Ради этого... что угодно.

– Можно я... – Она снова елозит на моих коленях и сползает на пол с явным сожалением, пересаживаясь на табуретку рядом.

А потом берет свою чашку с чаем и долго-долго пьет из нее, словно перешла пустыню и припала к роднику с прохладной водой. Честно говоря, я тоже ощущаю себя так. Поэтому мы допиваем наш остывший чай, и Даша щелкает кнопкой чайника еще раз.

Как-то после этого все сроки визита вежливости уже исчерпаны, но ни у кого из нас снова не достает сил попрощаться, и я светским тоном спрашиваю:

– Чем ты занималась, пока жила в Москве?

– О, ерундой всякой, – отмахивается она. – Знаешь, секретарь на ресепшене – это не та профессия, где требуются серьезные навыки. Ну, кроме того что следили за пропусками, мы еще ездили покупать реквизит, если срочно нужно, заменяли личных секретарей, если те болели, работали ассистентами на съемках, а порой и сами снимались. На вечеринках выступали то моделями, то официантками, но иногда просто веселились. В общем, такое вроде «подай-принеси» занятие, а в итоге в курсе всего, что происходит в компании, все тебя знают, приглашают на секретные пьянки, на праздники дарят подарки и даже блогеры-миллионники иногда ставят ссылки на твой инстаграм на пару десятков подписчиков.

– Оу... – Я понятия не имел, в какой области она работала, но теперь смотрел с уважением и еще большим восхищением. Большинство моих знакомых в Москве в основном трудились курьерами или пекли блины в фаст-фуде. – Ты крутая, мне теперь неловко, что я к такой популярной девушке вломился без приглашения. Наверняка чудом успел втиснуться в зазор между поклонниками.

– Да нет... – Даша немного порозовела и отмахнулась. – Какие поклонники... А ты чем занимаешься?

– О, вот у меня – действительно ерунда! – засмеялся я.

Мы как-то незаметно втянулись в повседневный разговор: о работе, о сериалах, которые нам обоим было некогда посмотреть последние годы, о музыке – в которой у нас совершенно разные вкусы, и она не слышала ничего о Røyksopp, а я сначала испугался ее любви к шансону, а потом был повержен презрительным мнением, что шансон производится только во Франции, как и шампанское, остальное – блатняк и газированное вино – называться этими гордыми словами права не имеет.

В начале нашей второй в жизни встречи мы были всего лишь двумя людьми, которых отчаянно подталкивала друг к другу странная сила. А к ее концу мы знали друг о друге достаточно, чтобы пройти какой-нибудь суровый тест типа тех, через которые прогоняют подозреваемых в фиктивной женитьбе.

Даже на вопрос, кто на какой половине кровати предпочитает спать, мы бы ответили без запинки, хотя еще ни разу не засыпали вдвоем...

Мира за пределами этой кухни не существовало. Мы с Дашей снова были в огромном радужном пузыре, одном на двоих – здесь было тепло, уютно, горячий чай и каменные сушилки.

Пока не раздался звонок Дашиного телефона.

– Привет, – сказала она в трубку, одними губами сообщив мне: «Это Светка!». – Что случилось? Куда приехать? Зачем? Что? Seriously? Нет. Света, нет! Хорошо. Ладно. Сейчас.

Она отложила телефон медленно и очень аккуратно, не поднимая на меня глаз.

Пальцы ее дрогнули, и пластик гулко стукнулся о дерево стола.

– Даш... – осторожно начал я. Она прервала меня взмахом руки.

– Светка сейчас пьет кофе с твоей женой. И Алла очень хочет со мной о чем-то поговорить, – безжизненным голосом произнесла она, все так же не глядя мне в лицо.

Женский совет

Богдан предложил меня подвезти к кофейне у студии йоги, где собрался женский совет из Светки, Аллы и еще двух их подружек.

Я замахала руками: вот только нашего совместного триумфального явления там и не хватает! Меня и без того трясло от ужаса: что, если Алла со Светой все же догадались каким-то образом, из-за кого Богдан решил развестись? Это было дикое, фантастическое предположение, но вина моя, несомненная, хоть и не сознательная, была мне очевидна. И потому стучалась в мое сердце, отравляла жизнь.

Но что я могла сделать?

Пойти поперек всего, что я чувствовала, и попросить Богдана не разводиться? Я ведь почти так и сделала, но он сам принял это решение. Я не собиралась его больше целовать и тем более позволять зайти дальше: уже то, что случилось, было нечестным с моей стороны.

С моей-то историей...

Должна была догадаться, что в «моей истории» и есть моя ценность для Аллы.

Усадив меня за столик напротив двух совершенно одинаковых черноволосых пухлогубых фитоняш, которые отличались только цветом спортивных лифчиков, она уставилась на меня немигающим взглядом и потребовала:

– Расскажи мне все.

Я ведь могла и рассказать, если бы ком не встал в горле, но меня спасла Светка, которая накрыла мою руку своей и тоном «доброго полицейского» добавила:

– Дашунь, никто тебя осуждать не собирается. Но Алла подозревает, что муж ей изменяет, и хочет узнать, как это выглядит, так сказать, с третьей стороны треугольника. А ты ведь была в отношениях с женатым.

До меня доходило медленно, но верно. Я от облегчения даже отпила несколько глотков крайне полезного зеленого чая со вкусом слабо заваренного сена, который мне, не спрашивая, принесла официантка.

– Богдан не похож на человека, который стал бы изменять, – осторожно сказала я.

Алла тяжело вздохнула. Перед ней стоял такой же чай, только чашка была полной. У ножки стола примостился коврик для йоги – в заводской упаковке. Да и аккуратный макияж у нее на лице намекал, что в зале она точно не трудилась сегодня.

Йога – это время для себя. Вставать в странные позы для этого необязательно.

– Ты же его видела... – устало сказала она. – Он красивый и успешный мужчина. В нашем городе таких по пальцам пересчитать. Конечно, вокруг него будут виться бабы. И какой мужик устоит, когда деликатесы сами в рот прыгают?

– Верный? Хороший человек?

Алла снова смерила меня скептическим взглядом, но обернулась к Светке:

– Светлая душа. Вряд ли она нам поможет. Против стервы должна играть стерва.

– А почему вы решили...

– Называй меня на ты, – махнула она рукой.

– Почему ты решила, что там есть какая-то стерва?

Именно стервой я себя и ощущала, вызывая такие подробности. В тылу врага.

Не хотелось быть таким врагом, но ситуация разворачивалась совершенно без моего желания, воронка идущего ко дну корабля их брака затягивала меня, и чем сильнее я барахталась, тем быстрее тонула.

– Потому что я сказала, что развожусь с ним, и даже подала заявление, а он как будто даже обрадовался! Раньше я терпела его любовниц, понимая, что это необходимая плата за такого мужа, но ни одна из них не пыталась увести его из семьи!

– Так вы... ты не хочешь разводиться? – уточнила я.

– Нет конечно, я что – дура? Ты его видела?

– Ой, Аллусь, ты не провоцируй, а то еще и Дашка накинется на твоего! И так скоро весь город устроит бои без правил за Богдана! – хохотнула Светка.

– Я им устрою... – угрожающе проговорила та и уставилась на одинаковых фитоняш. – Каждой, кто на него будет претендовать, патлы повыдергаю, ясно? Ни одно наращивание не спасет! Поняли меня?

Девушки переглянулись, хлопнув искусственными пушистыми ресницами, и синхронно кивнули.

– Так зачем же ты согласилась на развод? – рискуя спалиться, настаивала я.

– Да блин! – Алла раздраженно отпихнула чашку с чаем и махнула официантке: – Принесите уже нормального чего выпить! Думала, припугну хорошенько, он мне купит джипик красивый, надоело как лохушке на девичьей «мини» кататься. Я взрослая женщина, мне тридцать летом уже будет! Это для студенток машинка!

– Нормальные семейные отношения, – поддакнула Светка, которая была замужем пару лет еще в институте за нашим однокурсником. И то больше по приколу. – Мужики жадные, как еще из них что-то выбивать? По-хорошему не хочет, а я Аллусю знаю, уверена, там и разносолы были, и макароны, как в Италии, и мясо по-французски, как в Париже! Так пусть хоть по-плохому поймет, что жену уважать надо.

– Но как можно заставить уважать, не уважая? – удивилась я.

Светка пнула меня под столом, а когда я к ней обернулась, сделала страшные глаза. Схватила телефон и начала там что-то печатать. Через минуту мой завибрировал в кармане. Я достала и прочитала сообщение от нее: «Дура! Пусть продолжает фигней маяться! Б. разведется, а тут и я!»

Алла слишком увлеклась пересказом того, что она делала для Богдана, фитоняшным близняшкам, чтобы заметить наши подпольные действия. Я тоже слушала краем уха и волей-неволей мотала на ус.

Разумеется, я не планировала следовать ее советам, не слишком-то они ей помогли. Но ужасно жаль становилось Богдана: от постели ему отказывали регулярно по самым разным поводам, от неправильно понятого намека, что подарить на Восьмое марта, до нежелания самой мыть посуду.

Правда, потом Алла перешла к разделу «позитивное подкрепление», и у меня свернулись в трубочку уши. Я нервно оглянулась по сторонам – в кофейне было пусто, так что истории о затейливых ласках, которые она ему дарила, начитавших руководств по «соблазнению» актрис из фильмов для взрослых, слушали только мы. И официантки.

Те старались подольше постоять рядом с нашим столиком. Одна даже что-то записала в блокнотик. Надеюсь, она не перепутает это с заказом.

Мне стало немного жарко и чуть-чуть нехорошо.

Идея о счастливом воссоединении с Богданом, после того как он выдержит целый месяц до развода, уже не казалась мне такой замечательной.

Боюсь, в некоторых вопросах я могу его разочаровать...

– Ладно! – Алла приняла из рук официантки разноцветный коктейль, лихо выкинула из него зонтик и соломинку и всосала за несколько секунд большими глотками. Сразу покраснела и начала обмахиваться ламинированным листком меню. – Толку от тебя, Даш, в этом вопросе не добьюсь. Ты просто дурочка, которую развели, я уже поняла.

– Извини... – пробормотала я, скрывая свои эмоции за последними глотками безвкусного чая. Знала бы она, какую змею пригрела на груди, считая совершенно безобидной...

– Но мы тебя все равно возьмем в наш девичий штаб! – заявила Светка. – Кто бы ни была разлучница, нашего Богдана мы ей не отдадим!

И она, крайне веселясь, подмигнула мне, пока Алла не видела.

– Но есть кое-что, в чем ты мне можешь помочь. А я могу помочь тебе, – сказала Алла. – Ты ведь собираешься искать работу?

– Да, конечно, – кивнула я. – В понедельник планировала зайти на сайт с вакансиями, купить газету... Только я не знаю толком, что искать. До отъезда я делала рекламные модули, а потом три года вообще занималась вещами, которые ни к этому, ни к моему образованию отношения не имели.

– Но ты же разбираешься в моде? – полуутвердительно спросила Алла. – А я занимаюсь индивидуальным подбором гардероба для женщин. У меня уже много клиенток, и я давно подумывала о том, чтобы взять помощницу. Что скажешь, Даш? Пойдешь ко мне работать?

Я нервно сглотнула и пожалела, что выпила уже весь чай до последней капли. Алла смотрела на меня с доброй улыбкой, уверенная, что сделала королевское предложение – так бы и было, если бы не одно «но»! – и ждала положительного ответа.

Всюду чуют тебя...

Вечером я молча ушел спать в кабинет. Алла долго демонстративно хлопала дверями по всей квартире, врубала музыку и свет, но это было уже неважно.

В сердце оставался островок тепла, воспоминание о теплой Даше, ерзающей у меня на коленях, запах, прячущийся в ямке у шеи, теплое, нежное счастье, окутывавшее на той чужой кухне, просто оттого что она рядом.

Не помню, чувствовал ли я такое когда-то прежде. Кажется, Аллу я просто бешено хотел – где угодно, как угодно – и первые годы брака не выпускал ее из постели. Такой день, как вчера с Дашей, был бы просто невыносим. О чем она там щебечет? Почему ее губы заняты такой ерундой? Есть дела поважнее!

И месяц воздержания звенел бы болью и напряжением.

Мне, конечно, уже не двадцать. Но мне было «не двадцать» и за день до того, как я получил свой подарок на день рождения от девушки с золотистыми прожилками в темных глазах. Однако секс у меня все еще был ежедневно и порой не по разу.

Я считал характер Аллы лишь обратной стороной ее страстной натуры. Это было невероятно утомительно, временами почти невыносимо, но ради женщины, у которой никогда не болит голова, можно и потерпеть.

Такое чувство, что жизнь разделилась на «до» и «после». До поцелуя, после поцелуя.

До Даши, после Даши.

И до – я был отличным, порядочным мужем, который никогда не смотрит на сторону, приносит деньги в семью, но считает, что женщина – это красивый аксессуар и грелка для постели.

А после...

Мне было гораздо интереснее слушать, как Даша смеется, рассказывая о кошке своей подруги, которая родила котят накануне ее отъезда. А ведь она так хотела забрать себе самого толстолапого. Хорошо, что не успела, с ним было бы тяжелее рвануть из столицы домой вот так, за один день.

Интереснее, чем тискать ее и даже целовать.

Кажется, я дорос от познания женщин в сугубо библейском смысле до познания их души.

Или только одной женщины?

В понедельник уехал на работу рано, еще до того как Алла проснулась. Это было немудрено: обычно она выходила из спальни не раньше одиннадцати, но я ждал чего угодно в тот момент, когда она поймет, что наш развод – всерьез.

Заранее расспросил одноклассницу, работающую в ЗАГСе: сможет ли моя будущая бывшая жена единолично отменить развод. Та даже растерялась и долго рылась в каких-то инструкциях, а потом торжественно зачитала мне выписку откуда-то: что забрать заявление можно только так, как подавали, вдвоем.

И все, что надо теперь, чтобы развод свершился, – кому-то из нас в назначенный день прийти в ЗАГС и получить свидетельство о том, что мы больше не имеем никакого отношения друг к другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.